

На правах рукописи

СМИРНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В ТИМАУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность: 10.02.05 – Романские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре романского языкознания филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: доктор филологических наук, профессор
кафедры романского языкознания
филологического факультета ФГОУ ВПО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
Татьяна Борисовна Алисова

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой франкоязычных культур
факультета иностранных языков
и регионоведения ФГОУ ВПО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
Татьяна Юрьевна Загрязкина

кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Литературный институт
имени А.М. Горького»
Анна Владиславовна Ямпольская

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ГОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится « _____ » _____ 2011 г. на заседании диссертационного совета
Д 501.001.80 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова» по адресу: 199991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
профессор

Т.А. Комова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу романо-германской интерференции в тимаушском языке, являющемся одним из языков германских лингвистических меньшинств на территории Италии.

Согласно Э. Хаугену¹, интерференция представляет собой процесс перенесения норм одного языка на другой и результат контакта двух и более языков. Применительно к лингвогеографическому фактору, это касается в первую очередь идиомов, распространенных в ареалах островного типа. При этом один из языков, как правило, находится в исторической и законодательной зависимости от другого и уступает ему по численности носителей, что неизбежно приводит к модификации миноритарного языка под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Изучение условий языкового контакта, механизмов интерференции, классификации наблюдаемых в исследуемом объекте лингвистических трансформаций требует интердисциплинарного подхода, включающего в себя методологические принципы, выработанные в рамках социолингвистики, диалектологии, контактной лингвистики. Тимаушский язык представляет собой исторический немецкий диалект в романском ареале, чем определяется специфический характер интерференции.

Актуальность темы представленной диссертации обусловлена все возрастающим в последние десятилетия интересом лингвистов к миноритарным языкам. Это связано с обширным перечнем проблем, стоящим перед филологическим сообществом: необходимостью описания и классификации этих часто типологически неоднородных языковых образований, изучением социолингвистической ситуации в стране их распространения с позиций языковой политики и языкового законодательства, а также их функционирования в языковом коллективе, с целью сохранения лингвистического многообразия и культурного наследия меньшинств.

¹ Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 1953.

Объектом исследования является тимаушский язык в регионе Фриули – Венеция Джулия, принадлежащий к германской группе языков, входящих в 12 исторических лингвистических меньшинств Италии, а **предметом** исследования – романо-германская интерференция, позволяющая с позиций контактной лингвистики классифицировать тимаушский язык как идиом смешанного типа.

Новизна исследования состоит в обращении к ранее не описанному в отечественной лингвистике объекту и в междисциплинарном подходе к решению поставленных задач, сочетающем в себе типологические, исторические, социолингвистические и контактологические положения.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы доказать принадлежность тимаушского языка к смешанным романо-германским языкам. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- охарактеризовать лингвистические направления, в русле которых возможно проведение анализа подобного рода;
- выработать критерии анализа и установить параметры, по которым будет определяться принадлежность идиома к смешанным контактными языкам;
- выявить основные методологические подходы, позволяющие описать идиом смешанного типа;
- описать социолингвистическую ситуацию в ареале распространения интересующего языка;
- охарактеризовать морфологическую структуру исследуемого идиома;
- выявить интерферентные явления на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и текстуальном уровнях;
- оценить полученные результаты по выработанным критериям и сделать соответствующие выводы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык, изолированный от основного ареала распространения генетически исходного языка и в силу этого обладающий ярко выраженными

консервативными чертами, отражающими состояние грамматической системы на момент его попадания в иноязычную среду (переселения носителей на новую территорию), получает индивидуальное развитие, во многом обусловленное влиянием окружающих его идиомов.

2. Доказательство обозначенного тезиса лучше всего проводить с позиций контактной лингвистики, которая позволяет представить все интерферентные явления двух языков в связи с географической и социальной обусловленностью их возникновения, а также помогает объяснить тип интерференции, факторы ее образования и способы интеграции в систему языка.

3. Социолингвистическая ситуация в Италии является многокомпонентной, включающей, помимо диалектов и региональных вариантов итальянского языка, также идиомы 12 исторических языковых меньшинств. Сложность лингвистического репертуара обусловила особый тип развития каждого из миноритарных языков.

4. Тимаушский – миноритарный язык второго порядка, находящийся в ареале миноритарного языка первого порядка, фриульского, и мажоритарного итальянского. Островное положение тимаушского языка является предпосылкой для интерференции и образования контактного идиома.

5. Для устойчивости новой грамматической структуры необходимо, чтобы интерференция происходила на всех уровнях языковой системы. Основанием для определения степени интегрированности романских элементов в тимаушский язык должен послужить компаративно-типологический анализ.

6. Критерии оценки степени интерференции позволяют утверждать, что тимаушский язык является «переплетенным» языком смешанного романо-германского типа.

Методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых Г.В. Степанова, Р.А. Будагова, Б.П. Нарумова, И.И. Чельшевой, В.М. Алпатова, Б.А. Серебренникова, А.И. Домашнева, М.В. Дьячкова, А.Д. Швейцера, В.Ю. Розенцвейга, В.И. Беликова, Л.П. Крысина, У. Вайнрайха, Э. Хаугена, С.Г. Томасон, Т. Кауфмана, Ч. Фергюсона, Г. Берруто,

Р. Гузмани, П. Муйскина, Дж. Арендса, П. Ауэра, а также более специальные работы И. Гейер, М. Хорнунг, А. Гассер, Дж. Франческато, Дж. Фрау, П. Лессиака, В. Баума, М. Дзабай, Т. Тельмона, К. Маркато, К. Беллати, Л. Ванелли.

Материалом исследования послужили издания, выпускаемые Институтом культуры г. Тимау: «Tischlbongara piachlan» («Тимаушские дневники»), «Asou geats...» («И так течет жизнь...»), «Dar Schain. Chalendar va Tischlbong – Calendario timavese» («Сияние. Тимаушский календарь»), сборники стихотворений тимаушских поэтесс В. Плоцнер Ван Ганц «Ogaprouchndar vlug» («Прерванный полет») и Л. Ван Ганц «Vrusl, varcknepfta bartar va 'na olta reida» («Крошки, или переплетенные слова древнего языка»), детская книга А. Д'Осуальдо «Relé e la felicitât, Relè unt da vroickait» («Реле и счастье, Реле и радость»), а также сборник легенд, собранный учениками школы полного дня г. Клеулис - «Realtà e Fantasia: nasce la leggenda. Viaggio nella tradizione popolare: racconti che si narrano nei paesi di Cleulis e Timau» («Реальность и фантазия: рождается легенда. Путешествие в народные традиции: предания, которые рассказывают в деревнях Клеулис и Тимау»). В качестве источника для анализа лексико-морфологической интерференции был использован словарь тимаушского языка И. Гейер и А. Гассер «Glossario Timavese – Italiano per la comunità linguistica di Timau/Tischlbong» («Тимаушско-итальянский словарь для трехязычного лингвистического сообщества Тимау/Тишльбонга»), в котором представлены 7408 лексем, а также материал, собранный во время полевых исследований.

Общий объем исследованного материала составляет около 800 страниц текста и 3500 лексем. Все полученные результаты были верифицированы носителями тимаушского языка.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования способствуют разработке общих и частных вопросов контактной лингвистики, социолингвистики, диалектологии и истории итальянского, фриульского и немецкого языков, а также дополняют

имеющиеся сведения об интерферентных явлениях, характерных для «переплетенных» языков смешанного типа в целом и тимаушского языка в частности.

Практическая значимость произведенного исследования определяется возможностью использовать его основные положения в теоретических курсах общего и сравнительно-исторического языкознания, сопоставительной грамматики романских и германских языков, в спецкурсах по итальянской и немецкой социолингвистике, диалектологии, языковой политике и языковому законодательству.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в шести публикациях по теме и обсуждались на международных и всероссийских конференциях МГУ имени М.В. Ломоносова, МГПУ: «Ломоносов – 2007» (апрель 2007, МГУ), «Романские языки и культуры: от античности до современности» (ноябрь 2007, МГУ), «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, языкового образования» (апрель 2009, ИИЯ МГПУ), «Ломоносов – 2009» (апрель 2009, МГУ), «Романские языки и культуры: от античности до современности» (ноябрь 2009, МГУ), «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, языкового образования» (март 2010, ИИЯ МГПУ), а также на заседаниях кафедры романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006 – 2011 гг.

Структура и объем исследования определяются поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав с двухчастной структурой, заключения и библиографии, включающей 263 названия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет изучения, формулируются основные цели и задачи исследования, методологические подходы к его осуществлению, аргументируется новизна и актуальность работы, а также ее теоретическая и практическая значимость.

Часть I первой главы посвящена истории вопроса становления контактной лингвистики как науки, от Г. Шухардта до наших дней. Анализ проводится по четырем направлениям: становление контактной лингвистики в Западной Европе и США, ареальные исследования, языковые контакты и социолингвистика, проблемы контактной лингвистики в отечественном языкознании, - что соответствует структуре главы. Рассматриваются основные школы и направления, параллельно выделяются наиболее релевантные для настоящего исследования.

В части II первой главы рассматриваются основные понятия контактной лингвистики и классификация контактных явлений, а также степень «смешанности» языков как базовый критерий при оценке типа интерференции. Ставится вопрос о возможности определения генеалогической и генетической филиации контактного языка. В соответствии с выработанной позицией по данному вопросу предлагается точка зрения на проблему «язык – диалект». Отдельным предметом исследования являются языковая политика и языковое законодательство в многоязычных странах и распространенные в них типы билингвизма.

В ситуации массового билингвизма наблюдаются явления интерференции, конвергенции и интеграции. Эти термины, введенные Э. Хаугеном и У. Вайнрайхом, широко употребляются в контактной лингвистике.

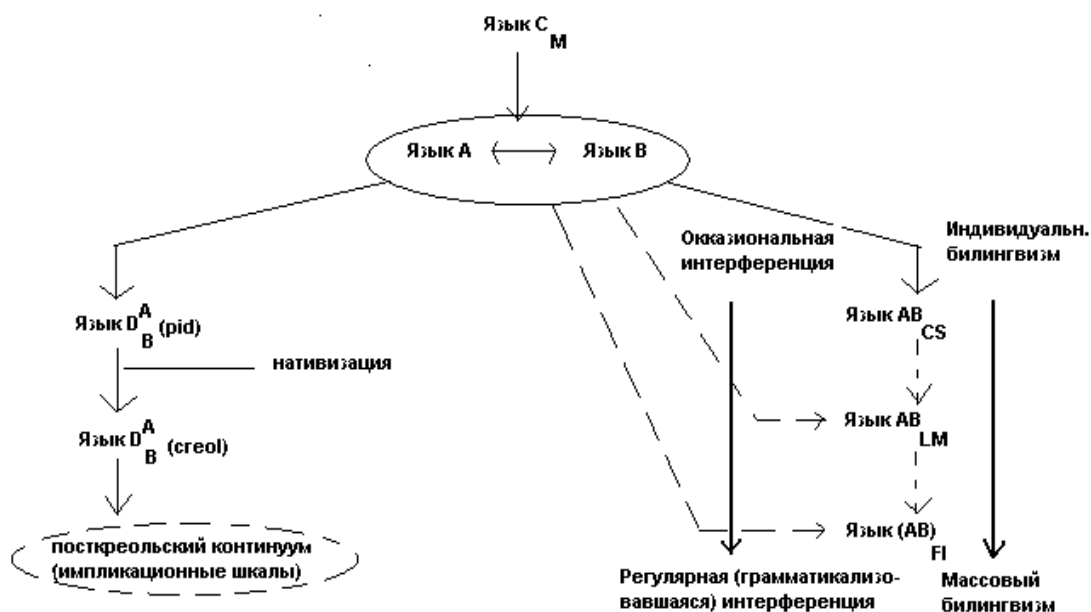
Интерференция – одно из центральных понятий контактной лингвистики, благодаря широкому спектру обозначаемых им явлений. Под интерференцией понимают взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном изучении иностранного языка, которое выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного. «Двуязычие» в данном случае может обозначать как индивидуальный билингвизм, так и билингвальную языковую ситуацию.

Нас интересует интерференция, понимаемая в терминах взаимного языкового приспособления, «схождения», чему соответствует конвергентный

подход к описанию языкового контакта. Характер интерференции, степень ее проявления и распространения зависят от различных факторов, в частности, от типа двуязычия (многоязычия) и от способа его приобретения, от структуры и системы контактирующих языков.

Иногда языковое взаимодействие приводит к появлению идиомов нового типа – так называемых смешанных, или «переплетенных» (interwindet) языков. Этот термин принадлежит американскому лингвисту Дж. Арендсу и был введен им в 1995 г. в коллективном труде «Pidgins and Creoles: an introduction». «Переплетенные языки» являются продуктом полноценного двуязычия, то есть билингвизма во второй фазе. Как правило, это результат интерференции языков, находящихся в далеком родстве или вообще не родственных, каждый из которых сохраняется в отчетливо опознаваемом виде (в отличие от пиджинов и креольских языков).

Схема 1. Типология языковых контактов

Левая часть представленной схемы отображает процесс образования пиджинов и креольских языков, а правая – переплетенных языков, обозначенных условно АВ. При этом степень смешения увеличивается пропорционально степени возрастания грамматикализовавшейся

интерференции и массовости билингвизма. Первой стадией оказывается переключение кодов (CS – code switching), второй – смешение языков (LM – language mixing), третью представляют «сплавленные» языки (F1 – fused lect), имеющие грамматическую структуру, не подверженную вариативности. Последние два варианта В.И. Беликов называет «языками эволюционного генезиса», то есть сложившимися естественным эволюционным путем. Подобные языки служат средством поддержания генетической идентичности, что позволяет им полностью сохраниться в двуязычной среде.

Необходимо сказать несколько слов о влиянии внешних факторов на образование контактных языков. С ареальной точки зрения наиболее предпочтительными для возникновения смешанных языков оказываются островной и маргинальный ландшафты. Маргинальный ландшафт обычно является боковым или круговым по отношению к центру иррадиации, но может быть и оторванным, если сохраняет тесную связь с центром. В таком случае его называют «контактным маргинальным островом» (термин О.Г. Пороховой). Подобное образование имеет два центра притяжения: к центральному ареалу и к соседней территории.

Островные ареалы имеют все основные черты «контактного маргинального острова», с той лишь разницей, что островной ареал всегда находится на «чужой» территории. Чем меньше остров, чем дальше он расположен на периферии ареала, тем архаичнее явление. С другой стороны, как и в случае с маргинальными ареалами, остров может быть инновационным по отношению к своему окружению, поскольку претерпевает интерференцию с чужой лингвистической системой. Таким образом, «остров» сочетает архаичность черт основной территории распространения и инновационность окружающего иноязычного ареала.

С точки зрения языкового законодательства контактные языки смешанного типа обычно признаются местными языками, обслуживающими бытовую сферу общения и распространенными на изолированной или маргинальной по отношению к центру иррадиации территории. Если за ним

признается статус регионального языка, то контактный язык потенциально может быть полноценным участником лингвистической ситуации, но не обязательно должен иметь всю полноту функций. Вследствие изоляции ареала контактный язык чаще всего оказывается языком семьи, но не выходит за рамки повседневного общения, в результате чего для коммуникации более высокого уровня оказывается необходимым владение мажоритарным языком (языком социокультурного окружения). Таким образом, носители контактного языка островного типа – билингвы. Подобный билингвизм уместнее всего классифицировать как субординативный естественно-ситуативный.

Наконец, закрепление за смешанными языками статуса языка или диалекта, с позиций контактной лингвистики представляется экстралингвистической задачей. «Переплетенные» смешанные языки являются историческими диалектами своих языков – источников и сохраняют с ними генеалогическую связь. Но в силу интерферентных явлений со стороны языков их нового окружения они могут потерять полноценное типологическое сходство с ними и в таком случае не будут отнесены к их генетическим вариантам. Помимо этого, смешанные языки, будучи региональными или местными языками, могут не обладать всей полнотой функциональной парадигмы, что является необходимым основанием для отнесения их к категории литературных языков. В такой ситуации, когда проблема не может быть решена с социолингвистических позиций, вопрос о наделении статусом смешанного языкового образования оказывается «в руках» нового государства распространения идиома и, точнее, проводимой на его территории языковой политики. Поэтому, если статус идиома в качестве «языка» закреплен законодательно, в отношении контактных языков термины «язык», «диалект» и «говор» оказываются равнозначными и не несут в себе всей функциональной нагрузки, которые они приобретают вне поля контактной лингвистики.

В Части I второй главы работы дается определение ситуации и общий обзор положения немецкоязычных меньшинств в Северной Италии с географической и законодательной точек зрения.

Италия – страна, отличающаяся лингвистическим многообразием. С социолингвистической точки зрения, языковая ситуация в Италии оказывается двухчастной. С одной стороны, она может быть охарактеризована как двухкомпонентная несбалансированная экзогlossия: итальянский и языки двенадцати исторических меньшинств. С другой стороны, это трехкомпонентная несбалансированная эндогlossия: итальянский, региональные варианты и диалекты итальянского языка. По закону № 482 от 15 декабря 1999 г. признанными историческими меньшинствами Италии являются 12, в том числе и носители так называемой германской группы языков, включающей 4 ветви: мокенскую, вальсеровскую, кимбрскую и баваро-австрийскую (или пустеро-каринтскую). К последней принадлежит и тимаушский язык, являющийся объектом настоящего исследования. Баваро-австрийские языки являются историческими каринтскими диалектами, в Средние Века попавшими в иноязычное окружение. К этой группе принадлежат четыре муниципалитета: Саппада в регионе Венето, Саурис, Тимау и Валь Канале в регионе Фриули – Венеция Джулия. Их объединяют приблизительно совпадающее время миграционных волн (XIII-XIV вв.), одинаковые социальные слои переселенцев (крестьяне, лесорубы и горняки) и общее географическое происхождение (кроме Саппады, жители которой пришли из Валь Пустерия, местом локализации исторической родины для остальных групп является Каринтия). Сильные расхождения касаются различных отношений и соотношения немецкого с местным итальянским диалектом, с другими романскими языками (в частности, фриульским) и с литературным итальянским. В каждом из муниципалитетов сложилась особая мультилингвистическая система интеграции и взаимодействия языков, что во многом обуславливает особый статус этих лингвистических образований.

В рассматриваемом регионе Фриули – Венеция Джулия представлены три индоевропейских языковых группы: итальянский и фриульский языки, принадлежащие романской группе, словенский язык, относящийся к славянским языкам, и немецкий – представитель германской группы. По статье

3 Статута автономного региона Фриули – Венеция Джулия (Закон № 1 от 31 января 1963 г.) признается «равноправие в правах всех граждан, независимо от лингвистической группы, к которой они принадлежат» и гарантируется «охрана соответствующего этнического и культурного своеобразия²». Немецкий, фриульский и словенский языки объявлены лингвистическим, культурным и историческим достоянием региона. Фриульская, словенская и немецкая лингвистические группы, в соответствии с «Соглашением о защите миноритарных групп населения» и «Европейской хартией о региональных и миноритарных языках», принятых Советом Европы, являются зоной особой административной и культурной опеки.

Путь проникновения в Италию немецких диалектов хорошо прослеживается на примере муниципального округа Тимау, в который входят два населенных пункта – Клеулис и омонимичный названию округа город Тимау, расположенный на высоте 800 метров над уровнем моря вдоль дороги, ведущей из Австрии через перевал Монте Кроче Карнико, на берегу реки Бут – притоке горного потока Тальяменто. На момент последней переписи населения в 2008 г. в Тимау насчитывалось 402 жителя.

В Тимау утвердился язык германского типа, который, однако, не смог полностью вытеснить существовавший до него романский язык, а именно карнийский диалект фриульского языка, распространенный вдоль всего перешейка Карнийских Альп. В результате сформировалась ситуация билингвизма, которая позднее была расширена за счет итальянского языка. Таким образом, в ареалогическом плане Тимау представляет собой лингвистический остров в иноязычном окружении, изолированный от основной территории бытования языка и, вследствие этого, находящийся на значительном удалении от центра иррадиации. Но в силу своего анклавного положения Тимау имеет второй центр притяжения негерманского типа, что свидетельствует в пользу возникновения интерферентных явлений. Именно

² Orioles V. Le minoranze linguistiche. Profili sociolinguisticie quadro dei documenti di tutela. Roma, 2003.

подобный тип языковой ситуации, сформировавшийся в муниципалитете Тимау, предоставляет достаточные условия для образования контактного языка. Дальнейшие исследования структуры идиома и оценка результатов по выработанным критериям должны показать, какова степень романской интерференции и возможна ли классификация тимаушского как языка смешанного типа.

В Части II второй главы представлена социолингвистическая ситуация в интересуемом ареале, специфицируются тема и предмет исследования. Формулируются основные параметры, по которым будет производиться анализ и оценка тимаушского языка.

Исходные положения исследования базируются на постулате, что тимаушский язык является контактным языком смешанного типа. Однако непосредственный анализ интерференции не позволит нам сделать выводов относительно типологии тимаушского языка, поэтому в Части II первой главы мы выработали параметры, которые помогут установить, является ли, как это было постулировано ранее, тимаушский язык смешанным языком, и в случае положительного ответа классифицировать его как одно из контактных явлений. Были выработаны следующие критерии соответствия, по которым производится оценка:

1. тип ландшафта: маргинальный или островной;
2. языковая ситуация: экзогоссная дву- и более компонентная сбалансированная или несбалансированная;
3. региональный или местный язык;
4. имеет ли законодательно закрепленный статус.

Данные критерии являются экстралингвистическими, поскольку никак не характеризуют грамматическую структуру исследуемого идиома и степень ее проницаемости. Далее, с позиций контактной лингвистики, следует определить следующие параметры:

5. наличие би – или плурилингвизма, его степень и тип;
6. наблюдаются ли в исследуемом объекте интерферентные явления;

7. если да, на каком/их грамматическом/их уровне/ях происходит интерференция;
8. стадия диффузии и степень интегрированности иноязычных элементов; имеются ли конвергентные процессы;
9. установление типа интерференции: CS, LM или F1;
10. возможность отнесения исследуемого объекта к классу пиджинов или, в случае установленного факта нативизации, к классу креольских языков;
11. если ответ на п. 10 отрицательный, является ли исследуемый объект языком смешанного типа; категория «смешанности»;
12. после сопоставления полученных данных, определение генеалогической и генетической принадлежности объекта.

П. 6 – 8 являются собственно лингвистическими и предполагают поуровневый анализ всей языковой системы. Лишь после этого можно делать выводы относительно «смешанности» того или иного языкового феномена. Стоит заметить, что если язык позволяет вычленить иноязычные элементы, то есть при анализе отдельные его составляющие сравнительно легко возводятся к той или иной лингвистической традиции, то речь не идет о пиджине и, тем более, креольском языке.

Часть I третьей главы выполнена с учетом типологического подхода и представляет собой описание синхронного среза структуры тимаушского языка. Исследование включает в себя элементы диалектологии и истории языка. Тимаушский язык исторически принадлежит к каринтскому варианту группы южнобаварских диалектов. Отсутствие документации на раннем периоде колонизации не позволяет с точностью определить дату переселения населения из австрийских альпийских долин на территорию современной Италии, что, однако, восполняется данными лингвистических исследований. Одной из важнейших характеристик является лингвистический феномен так называемого «каринтского удлинения гласного», что позволяет установить сродство между тимаушским языком и другими каринтскими диалектами. Этот процесс проходил в две стадии:

1. удлинение краткого гласного;
2. ослабление двойного согласного, следующего за гласным (essen > eejsn *есть*; treffen > treejfn *встречать*).

Феномен каринтского удлинения приходится на начало XIV в. В тимаушском отразились обе стадии, с последующей дифтонгизацией долгого гласного. Это позволяет с уверенностью утверждать, что для участия в данном фонетическом процессе горняки должны были переселиться из долин Каринтии в Тимау не позднее конца XIII в., чтобы язык затем мог пойти далее по индивидуальному пути развития. В интересуемом диалекте наблюдаются все фонетические инновации альпийского баварского, характерные для позднесредневековой стадии развития языка.

Поскольку основной целью данной части является отображение синхронного среза языка, лишь в некоторых случаях дается дополнительная отсылка к исторической грамматике южно-баварских диалектов. Комментарии сравнительно-типологического плана носят лишь иллюстративный характер, с возможностью дальнейшего развития исследования в данном направлении.

Часть II второй главы посвящена непосредственно интерференции тимаушского языка с фриульским и итальянским языками на всех уровнях, от фонетического до синтаксического, и способам интеграции романских элементов в структуру языка. Анализ производится в соответствии с выработанными критериями, дополнительно рассматривается типология заимствований.

1. Фонетическая интерференция:

- неуверенность в употреблении начальной аспираты «h» [h], вызванная отсутствием данного звука в романских фонетических системах, например, в первом лице единственного числа настоящего времени глагола «иметь» hoop: i on вместо i hon «у меня есть».

Неразличение позиций наличия/отсутствия начальной аспираты приводят в некоторых случаях к гиперкоррекции, например: haschermiti

вместо *Aschermittwoch* «среда на первой неделе великого поста», *hiatz – jetzt* «теперь, сейчас».

- тенденция к замещению консонантных групп «pf» и «sk» (постпалатальный аспирированный [kh]), не свойственных романским языкам, на «f» и «k», особенно в речи представителей младшего поколения: *fat* вместо *pfat* «мужская рубашка», *finfarli* вместо *pfifarli* «лисички (грибы)»; *kint* вместо *skint* «ребенок», *kircha* место *skircha* «церковь».

Как и в первом примере, наблюдаются случаи гиперкоррекции, в том числе в заимствованиях из романских языков: *pfendul* < фриульск. *rèndul* «маятник».

- фонетическая интерференция романского термина с омофонным немецким словом, что приводит к контаминации.

Особенности интеграции:

- сохранение долготы ударной гласной в открытом слоге, свойственной итальянскому и фриульскому языкам: ит. *trota* > [ˈtrɔ:tə] «форель», фриульск. *tuinia* > [tuˈi:niə] «монахиня»;
- как и в северных итальянских диалектах, геминаты стягиваются: ит. *pallottola* > *palotula* «пуля», а заударные гласные синкопируются: ит. *parroco* > *parok* «священник». Поскольку приведенные примеры представляются собой «ученые слова», обоснованным будет считать их заимствованными из итальянского языка, а не из диалектов;
- что касается развития романских гласных фонем в системе тимаушского языка, то наблюдается следующая картина:
 - a) а > о в ранних заимствованиях (то есть в словах, вошедших в лексический состав германского или древневерхненемецкого из классической или средневековой латыни и далее развивавшихся по фонетическим законам средневерхненемецкого):

- лат. *palma* «ладонь // пальмовая ветвь» > *polm* «пальма». Этот фонетический переход свойственен всем южным баварским диалектам немецкого языка в целом;
- b) *a* > *a* в поздних заимствованиях:
ит. *maschera*, фриульск. *màscare* > *maschka* «маска», фриульск. *alàz* > *alat* «горная сосна», фриульск. *tràpin, tràpano* > *drapano* «сверло»;
- c) *e* [ɛ] > *e*:
фриульск. *polèz* > *polezz* «ознобление, обмороженное место», фриульск. *persèmbul* > *persembul, parsembul* «петрушка», фриульск. *fète* > *feta* «ломоть, кусок»;
- d) *i* > *i*:
фриульск. *spine* > *schpina* «кран», ит. *minestra*, фриульск. *mignestre* > *minestra, minjeschtra* «суп с бобовыми»;
- e) [ɔ] > *ou* в ранних заимствованиях (далее развивалось как с.в.н. «o»):
фриульск. *jote* > *jouta* «шпинат», фриульск. *nevôt* > *nevout* «племянник», фриульск. *rôl* > *roul* «дуб»;
- f) [ɔ] > *o* [ɔ] в поздних заимствованиях:
фриульск. *còsul* > *kosul* «фасоль», ит. *crosta*, фриульск. *croste* > *kroschta* «корка», фриульск. *savòcie* > *kafoca* «тыква»;
- g) [o] > *u*:
фриульск. *gnotul* > *nutul* «летучая мышь», фриульск. *gónche* > *gunca* «серп, серповидный нож», фриульск. *rognón* > *runjon* «почка забитого быка»;
- h) *u* > *u*:
фриульск. *fulminànt* > *furminant* «спичка», ит. *lucciola* > *luccola* «светлячок», фриульск. *ruje* > *ruja* «личинка майского жука».
- Безударный вокализм следует правилам тимаушского языка. Наблюдается тенденция к неразличению конечных гласных, которые сливаются в «неопределенной гласной» – «шва» [–ə].

2. Морфологическая интерференция

- **Род существительных:**

многие тимаушские существительные меняют род под влиянием рода романских имен, например:

bocht, ж.р. «охранник» < с.в.н. wahte, м.р., ср. ит. la guardia; droascha, м.р. «дрозд» < бав. drôschel, ж.р., ср. ит. il merlo.

В первую очередь, изменение затрагивает существительные среднего рода, отсутствующего в романских языках:

doarf, м.р. «деревня» < с.в.н. dorf, ср.р., ср. ит. il paese; doch, м.р. «крыша» < с.в.н. dach, ср.р., ср. ит. il tetto, и другие.

- **Образование множественного числа:**

множественное число некоторых существительных образуется по аналогии с множественным числом фриульских имен (то есть синтагматически и вокалически): с.в.н. gluot + мн.ч. фриульского языка –s > gluaz «зола, угольки», а также существительные, заимствованные из итальянского языка, например мн.ч. baionetas «штык, определенный тип ружья» < ит. baionetta, или мн.ч. briliias «уздечка» < ит. briglia;

Наоборот, некоторые существительные, не обладающие в немецком языке единственным числом, под влиянием романской модели образуют также и единственное число, например eltar «родитель» (мать или отец) – неологизм тимаушского языка от собирательного eltarn «родители», под влиянием итальянского genitore.

- **Формы глаголов:**

некоторые глагольные заимствования из современного немецкого языка оформляются по типу фриульского инфинитива глаголов первого спряжения на –â: gletaa «разглаживать» < нем. glätten + окончание инфинитива –aa. Такие примеры не очень многочисленны.

Гораздо чаще встречается преобразование невозвратных немецких глаголов в возвратную форму, например: darckroncknsi (нем. erkranken) «заболеть» по аналогии с ит. ammalarsi; иногда возвратный глагол приобретает

новый смысл, так семантическое поле *hearnsi* (нем. *hören*), реинтерпретированное под влиянием семантики итальянского глагола *sentirsi*, было расширено за счет значения «чувствовать себя» (ср. нем. *sich fühlen*).

Особенности интеграции:

- **Образование множественного числа:**

многие романские существительные сохраняют свою фонетическую структуру, но при этом образуют формы множественного числа по модели тимаушского языка, например:

dova «бочарная клепка» – мн.ч. *dovn* < фриульск. *dove*; *gosgha* «зоб» – мн.ч. *gosghn* < фриульск. *gose*.

- **Суффиксальная интеграция романских имен:**

- а) **Суффикс –i, –li, –ali:**

один из самых продуктивных суффиксов тимаушского языка. Помимо основной семантической уменьшительно-ласкательной функции может также образовывать слова с новым значением, отличным от исходного. Например:

telali «кожица яиц» < фриульск. *tèle* «ткань» + суф. –ali; *vaschkali* «выгребная яма для помоев» < фриульск. *vascièl* «ванна, бочка» + суф. –ali.

Уменьшительный суффикс –ali может также вызывать метафонию в корне, в том числе и в заимствованиях из фриульского и итальянского языков:

skerl «головка» < ит. *capo* «голова» + суф. –i; *kariccl* «маленькая ваза, маленький сосуд» < фриульск. *caric* «капюшон» + суф. –i.

- б) **Суффиксы –ar и –in:**

суффикс «–ar» образует существительные мужского рода со значением агенса (производителя действия), а аналогичный ему суффикс «–in» – вторичные производные существительные женского рода с тем же значением. Причем в большинстве случаев слово представляет собой композит, первая часть которого заимствована из романских языков и обозначает род деятельности, а вторая часть – исконно тимаушская, указывает на деятеля. Например:

kjadrearichtar «тот, кто набивает стулья соломой» < фриульск. kjadrea «стул» + тим. richt-ar; majamocharin «та, что вяжет носки и кофточки на продажу» < фриульск. maje «майка» + тим. moch-ar-in.

с) Адъективные суффиксы:

наиболее употребительны формообразующие суффиксы имен прилагательных, придающие значение оттенка цвета, например:

bisghat «пепельный, серый» < фриульск. bîs + суф. с.в.н. –echt; biondat «светловолосый, блондин» < фриульск. biond + суф. с.в.н. –echt.

• **Формы глаголов:**

наблюдается тенденция к выравниванию форм романских и тимаушских глаголов. В первую очередь, это затрагивает неличные формы глаголов: причастий прошедшего времени, образующихся без исключения по тимаушской модели, и инфинитивов. Романские глаголы, независимо от исходного спряжения, интегрируются в ряд слабых глаголов. Например: aschpiriarn «надеяться», прич. прош. вр. aschpiriart < фриульск. aspirâ + нем. окончание инфинитива –ieren; ereditiarn «наследовать», прич. прош. вр. ereditiart < фриульск. ereditâ + нем. окончание инфинитива –ieren.

Даже в случае сохранения романского инфинитива причастие, тем не менее, образуется с помощью тимаушского суффикса:

moschtiaa «бегать, как бешеный (говорят о коровах, объевшихся белены)» < фриульск. mosteâ, но прич. прош. вр. moschtiaat; adotaa «усыновлять» < фриульск. adotâ, но прич. прош. вр. adotiart.

3. Лексическая интерференция

Типология заимствований представлена в соответствии с системой, предложенной М. Маринуччи³:

а) **Заимствования по необходимости**

• Заимствования по необходимости в тимаушском языке относятся первую очередь к семантическим полям кулинарной лексики, бытовых предметов, названий растений и плодово-овощных культур, названий животных, болезней,

³ Marinucci M. La lingua italiana. Torino, 1999.

частей тела, одежды и некоторым другим. Преимущественно это фриулянизмы. Фриульской же является вся терминология, связанная с производством сыра:

manorola «муфта» < фриульск. manòpule; outjàt «гусак» < фриульск. osat; krafa «молочная корка» < фриульск. crafe, и многие другие.

- Из итальянского языка заимствованы школьная терминология и церковная лексика, относящиеся к так называемой группе ученых слов («parole dotte»):

kapellano «капеллан, священник» < ит. cappellano; epifania «Крещение (церковный праздник)» < ит. Epifania; lavanja «доска» < ит. lavagna.

- Известны также случаи, когда итальянизм подавил фриульское слово, зафиксированное в близлежащих населенных пунктах и, следовательно, гипотетически имеющее больше шансов на вхождение в язык:

ernia «грыжа» < итал. ernia, ср. фриульск. chile; orekioni «свинка (болезнь)» < итал. orecchioni, ср. фриульск. mât dal marmul.

- Часть фриулянизмов представляют собой типично карнийские слова, не вошедшие в состав стандартизированного фриульского языка и сохранившиеся в наиболее маргинальных зонах:

bischker «тряпичник, старьевщик» < карн. bischer, ср. фриульск. straçarûl; risghanda «водопад» < карн. risande, ср. фриульск. cjadude di aghe; maina «небольшая церковь» < карн. maine, ср. фриульск. capele.

- Особая группа – галлицизмы, вошедшие в тимаушский язык на пике моды в XVIII в., вышедшие затем почти повсеместно из употребления и оставшиеся только в некоторых изолированных, и потому консервативных, наречиях:

tul «фата, шлейф» < фриульск. tul < франц. tulle; burò «письменный стол» < фриульск. burò, франц. bureau; djilete «бритва, бритвенный нож» < франц. gilette.

- Неологизмы, созданные тимаушским языком на основе фриульского языка и не имеющие соответствия ни в одном из других фриульских диалектов:

tiravora «саламандра» < из фриульск. tirebòris «кочерга»; golaina «подгрудок у рогатого скота» < из фриульск. golane «цепочка».

- Интересную группу составляют фриульские слова, изначально являющиеся заимствованиями из древневерхненемецкого и помеченные в самом языке как германизмы:

gatar «ограда, решетка» < фриульск. gatarade < с.в.н. gater; likouf «праздник в честь завершения строительства нового дома» < фриульск. licôf < д.в.н. lid-kof;

в) Заимствования из роскоши

Возможны три способа сосуществования иностранных терминов и исконных слов.

Нейтрализация

При нейтрализации происходит устранение наименее употребительного термина. Так, тимаушское название насекомого «светлячок» johanesvliaga почти полностью вытеснено итальянским lucciola. Вышли из употребления германские названия месяцев, замененные на заимствования из фриульского языка: sghenaar «январь», fevraar «февраль», marc «март», avriil «апрель», mai «май», sghuuin «июнь», lui «июль», avoscht «август», setembar «сентябрь», otoubar «октябрь», novembar «ноябрь», dicembar «декабрь». Примечательно, что для дней недели сохранились баварские диалектальные термины, не вошедшие в литературный немецкий язык.

Поляризация

Поляризация предполагает сохранение обоих терминов с разграничением семантических полей. Так, например, германское geiga стало означать «аккордеон», потеряв исконное значение «скрипка», которое взяло на себя фриульское слово violin. Таких примеров не очень много.

Полные дублеты

К полным дублетам относятся многие из междометий и восклицаний. Абсолютно равнозначными являются, например, тимаушское guata nocht! «спокойной ночи!» и фриульское buina not! (bina not!).

с) Объясняющие композиты

Объясняющие композиты образуются преимущественно в названиях растений. При этом тимаушская часть повторяет компонент значения фриульского слова, указывающий на принадлежность к определенному типу растения (дерево, цветок и т.д.):

katarreasl «крокус» < фриульск. gatâ «крокус» + тим. reasl «цветок»;
ulifraam «оливковое дерево» < фриульск. ulîv «оливковое дерево» + тим. raam «дерево»;

д) Лингвистические кальки

Переводные кальки

Некоторые устойчивые словосочетания были интерпретированы тимаушским языком как одно составное слово, например, итальянское erba medica «лекарственная трава» образовало термин medizingros, со свойственной немецкому языку инверсией частей. Эта же участь постигла название растения aucknroasa «лютик» (буквально, цветок жабы), являющееся калькой с фриульского rît di cròt. О перифразах и словосочетаниях см. ниже.

Частичные кальки

Viskuata «веточка омелы» < фриульск. visc «омела» + тим. guata «ветка»;
milachkroschta «молочная пленка» < тим. milach «молоко» + фриульск. kroschta «корка» – один из немногих примеров составных слов, в которых романский элемент занимает второе место (и, следовательно, образует множественное число по фриульской модели).

Семантические кальки

Семантические кальки становятся наиболее очевидными в составе сочетаний (то есть, должны быть контекстуально обусловлены). Так, тимаушский глагол hearnsî, буквально «слышаться», в высказывании i hearminiz guat «я плохо себя чувствую» приобретает значение «чувствовать себя», что является семантической калькой с итальянского sentirsi. Причастие прошедшего времени snitn глагола sghnaidn «резать» во фразе ear is snitn vir dar ceftar «он прирожденный бизнесмен» повторяет значение итальянского

выражения *essere tagliati per*, а наречия *schtoark* «сильно» и *vil* «много» в сочетании с глаголами *schtoark sghraian* «громко кричать» и *i on di vil gearn* «я тебя очень люблю» оказываются кальками итальянских наречий *forte* и *molto*.

Структурные кальки

К структурным калькам относятся, в том числе, устойчивые словосочетания и идиоматические выражения. Таковыми являются, например, перифразы *a vaust meal* «горсть муки» (буквально, «кулак муки») – итальянское *un pugno di farina*, *da henta sghloong* «хлопать в ладоши» (буквально, «бить в руки») – *battere le mani*, *is roata van ailan* «желток» (буквально, «красное яйца») – *il rosso dell'uovo*, и некоторые другие.

Предпочтение перифразы с предлогом *van* (итальянское/фриульское *di*) вместо композита для обозначения отношений принадлежности, например, *is skampl van sghlisl* «зубчики (буквально, «расческа») ключей» вместо гипотетического **sghlislckampl* – также результат романского влияния.

Инверсия частей составных слов и постпозиция определения в сочетании с существительным (по правилам немецкого языка, определение должно предшествовать определяемому слову) – пример переходной стадии между лексической и синтаксической интерференцией. И если словосочетание *dar schtearn polar* «полярная звезда» (ит. *la stella polare*) еще можно рассматривать как структурную кальку с итальянского, то выражение *da losghia zua* «закрытый хлев» (ит. *la stalla chiusa*) уже, несомненно, явление иного порядка.

3. Синтаксическая интерференция

На уровне синтаксической системы нужно различать внешнее заимствование, которое формально будет совпадать с лексическим, и внутреннее, при котором заимствуется структура синтаксического элемента, а не его форма. Ассимиляция романских синтаксических элементов малого порядка (словосочетаний и идиоматических выражения) не может считаться примером полноценной синтаксической интеграции. Заимствования же предложений не происходит по социолингвистической причине: при

необходимости выразиться на другом языке билингвальному говорящему достаточно переключить код коммуникации.

Южные баварские диалекты, в частности, каринтский, к группе которого принадлежит тимаушский язык, развивались в сторону от литературного немецкого в области фонетического оформления и специфической лексики, сохраняя при этом особенности строения немецкой фразы. Тимаушский же язык оказался в иноязычном окружении в долютеровскую эпоху, прямые контакты с метрополией, позволившие бы ему участвовать в инновационных лингвистических процессах, отсутствовали. Это усложняет описание тимаушского синтаксиса. Дополнительным фактором, не позволяющим сделать однозначные выводы, является позднее возникновение графики (80-ые гг. XX в.) и, как следствие, отсутствие предшествующих этому периоду письменных источников. Синтаксические явления, о которых речь пойдет ниже, не могут однозначно рассматриваться как «нарушение» германской фразы или как результат влияния романского окружения. Они обусловлены внутренними сдвигами в системе самого диалекта. Тем не менее, мы считаем необходимым зафиксировать три основных особенности, касающихся группы предиката в главном и придаточном предложениях.

В приведенных примерах параллельные места в тимаушском и итальянском высказываниях выделены курсивом, порядок слов в немецком и тимаушском предложениях дан жирным шрифтом. Первые два примера взяты из статьи «Da groasa oarbat var schual: ola zoma afta musghn. Paholtn da schprooch unt da oltn praicha» («Большая работа школы: сохраним все вместе наш язык и старые обычаи») из журнала «Asou geats...» за август 2002 г. Последний пример является переводом на тимаушский язык фразы, приведенной в вопроснике для детей и напечатанной в одной из последних статей И. Гейер [162]:

а) Позиция сказуемого в главном предложении не всегда фиксирована на втором месте:

Тимаушский: In den leistn zeichn joar da ckindar af Tischelbong *sent obla bianigar* asou vil in asilo a bi in da schual.

Итальянский: Negli ultimi dieci anni i bambini qui a Timau *diventano sempre meno* sia negli asili sia nelle scuole.

Немецкий: In den letzten zehn Jahren **werden** die Kinder in den Kindergärten und den Schulen hier in Timau **immer weniger**.

Перевод: В последние годы детей здесь в Тимау в детских садах и в школах становится все меньше.

b) Позиция инфинитива, причастия прошедшего времени и ударной подвижной приставки внутри составного сказуемого главного предложения. Замечено, что романский порядок слов преобладает в длинных предложениях с большим числом дополнений. В переводах намеренно сохранено придаточное, вводимое определительным союзом:

Тимаушский: In avoscht *is oufa gabeisn* in asilo va Tischelbong a moschtra van zoi as in doarf is mit dar hont boarn gamocht.

Итальянский: In agosto è *stata aperta* nell'asilo di Timau una mostra di cose che sono state fatte a mano nel nostro paese.

Немецкий: Im August **ist** im Kindergarten von Timau eine Ausstellung von Sachen, die in userem Dorf mit der Hand gemacht wurden, **eröffnet worden**.

Перевод: В августе в детском саду Тимау была открыта выставка вещей, которые были созданы вручную в нашей деревне.

c) Порядок слов в придаточном предложении:

Тимаушский: Is puach, as mar *ost geim* geistar nockmittog, is vil schian.

Итальянский: Il libro che mi *hai dato* ieri pomeriggio è molto bello.

Немецкий: Das Buch, das du mir gestern nachmittag **gegeben hast**, ist sehr schön.

Перевод: Книга, которую ты мне дал вчера вечером, очень интересная.

Очевидно, что возможность интерференции поддерживается самими структурами языков, так образом, окказиональные интерференции в речи или в письме отдельного индивида могут быть интегрированы в язык лишь в том случае, если отклонения от стандартной модели, к которым они приводят,

понятны всем без исключения носителям. Этому способствует также тот факт, что сложные правила немецкого синтаксиса, даже если ими пренебречь, безразличны к правильной интерпретации фразы.

5. В качестве примера функционирования тимаушского языка приводится параллельный текст на трех языках (тимаушском, итальянском и фриульском), сопровождаемый грамматическими, этимологическими, культурологическими и иными комментариями. Текст взят из книги «Realtà e Fantasia: nasce la leggenda. Viaggio nella tradizione popolare: racconti che si narrano nei paesi di Cleulis e Timau» («Реальность и фантазия: рождается легенда. Путешествие в народные традиции: предания, которые рассказывают в деревнях Клеулис и Тимау»). Это сборник местных легенд, сказаний и преданий, собранных учениками начальной школы продленного дня г. Клеулис в 1998 – 1999 учебном году. Отправным языком для большинства легенд были карнийский фриульский и тимаушский языки, итальянская же версия легенд везде является переводной. Все три варианта подобраны таким образом, чтобы минимально отступать от лексико-грамматического оформления и синтаксической структуры повествования, что позволяет говорить о параллельных текстах, а не о разноязычных версиях одной и той же легенды.

Выбранная для анализа легенда называется «Il Cuel da Muda» («Холм Муда»). Весь текст состоит из 17 предложений, номера которых в скобках соответствуют номеру таблицы. Слова в таблице представлены по графическому принципу, то есть за единицу предлагается считать графическое слово, а не фонетическое; словосочетания также разбиты на отдельные лексемы с целью представить каждый из элементов в сопоставительном аспекте. Исключением из этого правила являются только сложные глагольные формы, а также те случаи, с целью экономии места, в которых сопоставляемый элемент отсутствует в остальных двух текстах.

Желтый текст в таблице показывает совпадение во всех трех текстах, синий – совпадение итальянского и фриульского, розовый – итальянского и

тимаушского, зеленый – фриульского и тимаушского текстов. Курсивом выделены синонимы и слова, смещенные по отношению к тексту сравнения.

В крайней правой колонке дается комментарий к тексту на тимаушском языке в случае выявления интерференции с текстами на романских языках или несвойственной немецкому языку формы или структуры, легко интерпретирующейся как наложение романской модели. Строка комментария совпадает со строкой интересующего слова. Для наиболее интересных примеров приводится этимология слов. Пример анализа текста представлен в следующей таблице Перевод предложения на русский язык: «Как и во многих других деревнях, в нашей деревне рассказывают легенду, которая никогда не будет забыта» (1).

Итал. язык	Фриульск. язык	Тимаушск. Язык	Примечания к тексту на тимаушском языке
Come	Come	A bia	- Итальянизм: come pure (нем. auch-wie) «как и»; Эт.: bia < с.в.н. wie нареч. «как».
in	in	in	
tanti	tanc ⁷	viil ondare	
luoghi	lûcs	dearflan	
delle	des		
nostre	nostes		
vallate	monts a Cleules		
esiste	a ši conte	beart aa darzeilt	- Синтаксический романизм: неопределенно-личная конструкция соответствует итальянскому пассиву с venire «viene raccontata» (ср. нем. erzählt man) «рассказывают»; для образования немецкого пассива в тимаушском языке есть соответствующая безличная частица «man»; выбор конструкции обусловлен, в первую очередь, возрастом рассказчицы. - Причастие прошедшего времени не отделено от вспомогательного глагола (нем. «Wird... eine Legende... erzählt») Эт.: bearn < с.в.н. wërden глг. «становиться, превращаться»; вспомогательный глагол для образования пассива и будущего времени; darzeiln < бав. derzählen глг. «рассказывать, передавать».
una	une	in unsarn doarf	
storia	storie		
una		a	
legghenda		laindl	- Фриулянизм: liandl < ум. от lienda < фриульск. liende «легенда». Один из многочисленных в языке примеров образования неологизмов из фриульского или итальянского языков с помощью тимаушского уменьшительного суффикса -l/-li/-ali, способного вызывать метафонию в корне: e/a.
molto			
toccante			
che	ca	as	- Как и в итальянском, и фриульском языках, относительный союз «as» – «что, который» не имеет грамматической категории рода (нем. der/die/das). Эт.: as < с.в.н. daz ,союз «что, который».
lasciò	a lasšât	niamp	
il	il	mear	
segno	segno	beart	
in	in	vargeisn	- Синтаксический романизм: по синтаксическим правилам немецкого языка, вспомогательный глагол в сложном прошедшем времени в придаточном предложении должен стоять в конце (нем. «... das niemals mehr vergessen wird») Эт.: vargeisn < с.в.н. ver-gëzzen, глг. «забыть, опустить, пропустить».
tutta	dute		
la	la		
vallata	valade		

В **Заключении** подводятся итоги и дается ответ на поставленные в работе вопросы, обосновываются выводы и определяются цели и возможность дальнейших исследований.

В части II первой главы и части II второй главы были выработаны критерии, в соответствии с которыми должна производиться оценка степени смешанности тимаушского языка и его классификация по этому признаку. Тимаушский язык является участником многокомпонентной несбалансированной экзоглосии, в рамках которой он был определен как местный язык, обладающий, с законодательной точки зрения, официальным (региональным) статусом на административной территории распространения. Сам же ареал представляет собой маргинальный лингвистический остров с двумя центрами притяжения. Географическое положение, а также сложившиеся социальные, культурные, экономические и иные отношения, определяющие функционирование тимаушского языка, обусловили особый тип билингвизма (активный или пассивный, в зависимости от возраста носителя, естественный проксимально-субординативный тимаушко-фриульский билингвизм и ситуативно-субординативный тимаушко-итальянский билингвизм). Далее анализ структуры тимаушского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. фонетические архаизмы, сохранившиеся в системе вокализма тимаушского языка, свидетельствуют о времени попадания идиома в романское окружение, которое фиксируется XIV в.;
2. грамматическая система тимаушского языка в основном соответствует системе немецкого (точнее – каринтских диалектов немецкого языка), хотя и является сильно редуцированной (постепенное упрощение падежной парадигмы и глагольных времен и др.);
3. одновременно с этим тимаушский язык претерпевает сильную интерференцию с окружающими его романскими языками (фриульским и итальянским), которая наблюдается на всех уровнях языка;

4. каждая из традиций сохраняется в хорошо опознаваемом виде, что противоречит отнесению тимаушского языка к пиджинам или креольским языкам;
5. в соответствии с положениями, выдвинутыми в п. 3 и 4, мы можем определить тимаушский язык как «переплетенный язык эволюционного генезиса»;
6. согласно критериям устойчивости грамматической системы и обязательности интерферентных явлений, тимаушский не может быть классифицирован как «сплавленный язык» (F1);
7. с другой стороны, степень диффузии очевидным образом находится во второй, интегративной стадии, что позволяет нам разместить тимаушский язык на шкале между AB_{LM} и $(AB)_{F1s}$ и приписать ему, таким образом, достаточно высокую степень смешения;
8. наконец, учитывая п. 1 и 2, можно сделать вывод о генеалогической связи (но не генетической принадлежности, о чем свидетельствуют п. 3) тимаушского языка с немецким и признать его историческим южно-баварским диалектом, что будет релевантно для диалектологов-германистов. С позиций же контактной лингвистики, мы находим достаточными основания для причисления тимаушского идиома к языковым образованиям контактного типа (п. 5 и 7).

На данном этапе работы исследованию была подвергнута та часть структуры тимаушского языка, которая наиболее наглядно позволяет проследить романскую интерференцию. Интерес для дальнейших исследований может представлять как анализ языка в диахронии (был затронут лишь исторический вокализм для иллюстрации параллельного развития некоторых фонем в тимаушском и фриульском языках, а также введены элементы исторической морфологии), так и в синхронии, с более детальным анализом лексики, в том числе и по понятийным группам.

Аналогичным образом, предметом сопоставительного диалектологического исследования могут стать лингвистические островки

Сауриса, Саппады и Вальканале, что представляется перспективным и с контактологической точки зрения, поскольку поможет выявить общие и частные интерферентные явления и позволит сделать вывод относительно единой романо-германской контактной амфизоны на территории региона Фриули – Венеция Джулия.

Лингвистическая ситуация Тимау открывает обширное поле деятельности для научного исследования. С точки зрения лингводидактики в области преподавания миноритарных языков особый интерес для исследования представляет эксперимент по введению тимаушского языка в младших классах школы Клеулиса.

Отдельного внимания заслуживают заимствования из тимаушского языка в романские языки. Вопрос влияния миноритарных языков на окружающие их мажоритарные, несомненно, требует уточнения.

Вопросы, не вошедшие в основной корпус работы, могут стать отправной точкой для дальнейших исследований в рамках романистики, германистики, диалектологии, социолингвистики, контактной лингвистики.

Данная работа вносит определенный вклад в изучение контактных языков, в частности, возникающих в результате романо-германской интерференции. Исследование представляет собой попытку систематизации данных и типологической классификации тимаушского языка, который, несмотря на сравнительно большой для подобного идиома объем посвященных ему работ лингвистического характера, остается открытым для дальнейших исследований.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Смирнова М.А. Тимаушский язык в области Фриули – Венеция Джулия (Италия) как результат романо-германской интерференции // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 2010. № 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 39 – 53.

2. Смирнова М.А. Германоязычные лингвистические островки на Севере Италии // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. №2. М.: Изд-во МГПУ, 2008. С.103 – 106.

3. Смирнова М.А. К проблеме исследования триестинского диалекта // Романская филология. К юбилею кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: сборник статей. М., МАКС Пресс, 2005. С. 105 – 122.

4. Смирнова М.А. Немецкоязычные исторические меньшинства на Севере Италии // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 271 – 273.

5. Смирнова М.А. Становление контактной лингвистики и проблема немецкоязычных исторических меньшинств на Севере Италии // Романские языки и культуры: от античности до современности. IV международная научная конференция романистов (29 – 30 ноября 2007 г., Москва): сборник материалов. М., МАКС Пресс, 2008. С. 220 – 232.

6. Смирнова М.А. Определение типа билингвизма применительно к социолингвистической ситуации в регионе Фриули – Венеция Джулия (Италия) // Романские языки и культуры: от античности до современности. V международная научная конференция романистов (27 – 28 ноября 2009 г., Москва): сборник материалов. М., МАКС Пресс, 2011. С. 288 – 299.